

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АСАИНОВ И СИБИРЯК ПРОТИВ РОССИИ»

(жалобы №№ 16694/13 и 32701/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

Вынесено и вступило в силу
4 декабря 2018 года

*Данное постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Асаинов и Сибиряк против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Комитетом, в состав которого вошли:
Бранко Лубарда, *Председатель*,
Пере Пастор Виланова,
Георгиос А. Сергидес, *судьи*,
и Фатош Араджи, *Заместитель Секретаря секции*,
проведя заседание за закрытыми дверями 13 ноября 2018 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанную
дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по двум жалобам (№№ 16694/13 и 32701/13), поданным в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, Андреем Феритовичем Асаиновым и Марией Игоревной Сибиряк (далее — «заявители») 22 февраля 2013 года и 29 апреля 2013 года соответственно.

2. Интересы первого заявителя (Асаинова) представляли К. Терехов и А. Навальный, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы второго заявителя (Сибиряк) представлял Н. Зборошенко, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Жалобы были коммуницированы властям 28 августа и 13 октября 2014 октября.

4. Власти возразили против рассмотрения жалоб Комитетом. Рассмотрев возражение Властей, Европейский Суд отклоняет его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Первый заявитель (Асаинов), 1968 года рождения, проживает в г. Москве. Второй заявитель (Сибиряк), 1975 года рождения, проживает в Машабей-Саде, Израиль.

А. Демонстрация 6 мая 2012 года

6. Факты, касающиеся планирования, проведения и разгона демонстрации на Болотной площади, более подробно изложены в постановлении Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12, пункты 7-65), а также в постановлении Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*) (жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 7-33). Заявления сторон относительно обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к настоящим делам, изложены ниже.

7. 6 мая 2012 года в центре Москвы прошла демонстрация под названием «Марш миллионов» в знак протеста против предположительно сфальсифицированных результатов президентских выборов. Мероприятие было согласовано городскими властями в форме шествия и последующего митинга на Болотной площади, который должен был завершиться в 19.30. Шествие было мирным и проходило без каких-либо нарушений, но, когда участники шествия дошли до Болотной площади, выяснилось, что установленные полицией заграждения сузили проход на место проведения митинга и предположительно сократили пространство, выделенное для его проведения. Для контроля толпы полицейский кордон удерживал протестующих в периметре заграждений. Между полицией и протестующими произошло несколько столкновений. В 17:30 полиция объявила о досрочном завершении митинга и начала разгонять участников. Для того чтобы очистить площадь от протестующих, потребовалось около двух часов.

8. Заявители принимали участие в демонстрации на Болотной площади 6 мая 2012 года. Они были задержаны на месте проведения мероприятия и доставлены в отделения полиции, где им были предъявлены обвинения в совершении административных правонарушений. Впоследствии мировые судьи признали их виновными в соответствии с обвинениями.

В. Задержание и осуждение заявителей по обвинениям в совершении административных правонарушений**1. Первый заявитель (Асаинов)**

9. По словам первого заявителя, 6 мая 2012 года он прибыл на Болотную площадь, чтобы принять участие в мирной демонстрации. Около 20:55 вечера он был задержан за пределами места проведения мероприятия. До его задержания он не совершал каких-либо нарушений общественного порядка или иных правонарушений, а также не получал от полиции каких-либо распоряжений.

10. По словам властей, заявитель, будучи участником санкционированной демонстрации, прорвался через оцепление милиции и попытался пройти на Красную площадь. Он проигнорировал приказы полиции прекратить эти действия и активно сопротивлялся сотрудникам, когда его доставляли в полицейский фургон.

11. В 20:30 первый заявитель был доставлен в ОВД района Фили-Давыдково г. Москвы. В отделении полиции дежурный сотрудник составил протокол об административном доставлении заявителя для составления протокола об административном правонарушении. В протоколе об административном задержании было указано, что заявитель был арестован в 20:30 в отделении полиции и освобожден в 23:05 того же дня.

12. После этого дежурный сотрудник составил протокол об административном правонарушении, указав следующее:

«... 6 мая 2012 года в 20:30 на Болотной площади в Москве [заявитель] принял участие в санкционированном собрании ... он прорвался через оцепление полиции и попытался проникнуть на Красную площадь, расталкивая сотрудников полиции. [Заявитель] не реагировал на многочисленные законные требования полиции прекратить эти действия и активно сопротивлялся, когда его доставляли в полицейский фургон, демонстрируя тем самым отказ подчиняться законным распоряжениям сотрудников полиции и мешая им выполнять свои служебные обязанности, в нарушение части 1 статьи 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

13. 29 мая 2012 года мировой судья судебного участка № 100 района Якиманка г. Москвы рассмотрел предъявленные заявителю обвинения в совершении административного правонарушения в его присутствии. На основании показаний двух сотрудников полиции суд установил, что заявитель совершил административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях, как это описано в протоколе об административном правонарушении. Первый заявитель был приговорен к штрафу в размере 500 рублей (в то время приблизительно 12 евро).

14. Первый заявитель обжаловал это постановление в Замоскворецкий районный суд города Москвы. 7 июня 2012 года его жена, которая стала свидетелем событий 6 мая 2012 года, представила в суд письменные показания. По ее словам, она прибыла, чтобы принять участие в санкционированной демонстрации на Болотной площади вместе со своим мужем. Они прошли по улице Якиманка вместе с другими участниками, но когда они подошли к Малому Каменному мосту, шествие остановилось. Постояв там и дожидаясь некоторое время, они решили прекратить свое участие в мероприятии, но не смогли покинуть место и остались на тротуаре. Около 20:30 полиция сказала им идти к станции метро, что они и сделали. По

дороге на станцию в 20:55 вечера ее муж был задержан полицейскими, которые не отдавали никаких приказов, и был доставлен в полицейский фургон. Затем она направилась в ОВД района Фили-Давыдково, чтобы ждать его освобождения.

15. 16 июля 2012 года районный суд рассмотрел и частично удовлетворил ходатайство заявителя об исключении письменных показаний сотрудников полиции, как недопустимых доказательств. Суд вызвал их для допроса в ходе судебного слушания в качестве свидетелей. 2 августа слушание было перенесено на 23 августа 2012 года; ходатайство заявителя о представлении еще одного адвоката было удовлетворено. Заявитель и его адвокат не были должным образом вызваны на слушание.

16. 22 августа 2012 года первый заявитель направил в Замоскворецкий районный суд телеграмму с просьбой отложить слушание на том основании, что он находился за пределами Москвы по семейным обстоятельствам.

17. 23 августа 2012 г. районный суд провел слушание в отсутствие заявителя и его адвокатов, отметив, что никто из них не подал ходатайство о переносе слушания. Суд допросил двух сотрудников полиции, которые показали, что заявитель вместе с другими участниками демонстрации пробился через оцепление милиции и попытался приблизиться к Кремлю; отталкивал полицейских; бросал камни, стеклянные бутылки и дымовые шашки; игнорировал многочисленные требования полиции прекратить эти действия; и сопротивлялся аресту. В апелляционном определении не упоминались свидетельские показания жены заявителя. Основываясь на показаниях сотрудников полиции, районный суд оставил без изменений постановление суда первой инстанции.

2. Второй заявитель (Сибиряк)

18. По словам второго заявителя, она прибыла к станции метро Октябрьская в 16:00 6 мая 2012 года, чтобы принять участие в мирной демонстрации на Болотной площади. Она прошла по улице Якиманка вместе с другими участниками, но при приближении к площади обнаружила, что вход заблокирован. Около 18:30 полиция начала разбивать толпу на группы и оттеснять их. Два полицейских схватили ее за руки и начали толкать к полицейскому фургону. До задержания она не нарушала общественный порядок и не принимала участия ни в каких актах насилия. В 21:05 второй заявитель была доставлена в ОВД Хорошевского района. После того, как полиция составила протокол об административном правонарушении, она была освобождена около 1:40 7 мая 2012 года.

19. По словам властей, второй заявитель была задержана в 19:15 на Болотной площади, потому что она участвовала в прорыве

полицейского оцепления и игнорировала приказы полиции прекратить свои действия и разойтись. Она была доставлена в отделение полиции в 20:10 и освобождена в 22:35 того же дня.

20. В журнале регистрации лиц, доставленных в ОВД Хорошевского района, указывалось, что второй заявитель была доставлена туда в 19:50 и освобождена в 22:35 6 мая 2012 года. В материалах административного дела не имелось записи о доставлении заявителя в отделение милиции. В протоколе об административном задержании, составленном в 20:20, указывалось, что она была доставлена в отделение полиции в 22:10 и освобождена в тот же день.

21. Второму заявителю были предъявлены обвинения в неподчинении законному распоряжению сотрудника полиции — правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. В протоколе об административном правонарушении указывалось следующее:

«6 мая 2012 года в 19:15 [заявитель] приняла участие в санкционированном митинге на Болотной площади в Москве, она прорвалась через оцепление полиции и попыталась приблизиться к Кремлю. [Заявитель] не отреагировала на многочисленные законные требования сотрудников полиции прекратить эти действия, препятствуя тем самым выполнению ими своих служебных обязанностей ... в нарушение части 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях».

22. В материалах административного дела содержался доклад сотрудника полиции, составленный по шаблону. В докладе не содержалось никакой индивидуальной информации, кроме личных данных сотрудника полиции и заявителя. В нем по сути повторялось описание действий заявителя, содержащееся в протоколе об административном правонарушении. В докладе также указывалось, что заявитель бросала камни в сотрудников полиции, зажигала фейерверки и сопротивлялась задержанию.

23. 30 мая 2012 года мировой судья судебного участка № 100 района Якиманка г. Москвы рассмотрел предъявленные заявителю обвинения в совершении административного правонарушения. Заявитель не присутствовала на слушании, хотя она была вызвана на заседание. На основании доклада сотрудника полиции заявитель была признана виновной по части 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях и была приговорена к штрафу в размере 500 рублей (в то время около 12 евро).

24. 13 ноября 2012 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы рассмотрел апелляционную жалобу заявителя в ее присутствии и оставил постановление суда первой инстанции без изменений. Ходатайство второго заявителя о допросе в суде сотрудников полиции, которые производили ее задержание, было отклонено. Однако по ее ходатайству суд допросил свидетеля защиты, который показал, что

заявитель не участвовала в прорыве полицейского оцепления и не совершала никаких противоправных действий. Суд отклонил показания свидетеля как ненадежные доказательства на том основании, что он являлся другом заявителя. Кроме того, суд счел, что заявитель была надлежащим образом вызвана на слушание в суд первой инстанции по телефону, но не явилась и не подала ходатайство об отложении слушания.

25. 15 апреля 2013 года заместитель Председателя Московского городского суда рассмотрел административное дело заявительницы в порядке надзорного производства и оставил ранее вынесенные судебные решения без изменений.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

26. Для ознакомления с соответствующими нормами внутригосударственного права см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункты 77-79, ECHR 2016 (извлечения).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

27. В связи с тем, что данные жалобы имеют общую фактическую и правовую основу, Суд принял решение объединить две жалобы в одно производство в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

28. Заявители жалуются на то, что административное производство по их делам не гарантировало справедливого слушания, в частности, соблюдения принципов равенства сторон, состязательного процесса, независимости и объективности суда, а также на то, что они не имели возможности вызова и допроса основных свидетелей. Они ссылались на статью 6 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела независимым и беспристрастным... судом, созданным на основании закона».

А. Приемлемость жалобы

29. Власти утверждали, что статья 6 Конвенции неприменима к оспариваемому производству, поскольку заявителям было предъявлено обвинение в совершении административного правонарушения, а не уголовного преступления. Они также утверждали, что заявителям была предоставлена достаточная возможность отстаивать свою позицию во внутригосударственных судах. В частности, первый заявитель и его адвокаты были своевременно вызваны на заседание суда апелляционной инстанции, а ходатайство первого заявителя об отложении слушания было получено уже после его проведения.

30. Ранее Суд уже устанавливал, что уголовный аспект статьи 6 Конвенции применим к разбирательствам, связанным с обвинениями по статье 19.3 Кодекса об административных правонарушениях, наказуемыми штрафом или административным арестом (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 155; постановление Европейского Суда от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» (*Mikhaylova v. Russia*) (жалоба № 46998/08, пункты 71-74); постановление Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России» (*Navalnyy and Yashin v. Russia*), жалоба № 76204/11, пункт 78; и постановление Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России» (*Nemtsov v. Russia*), жалоба № 1774/11, пункт 83). Суд не видит каких-либо оснований для того, чтобы прийти к какому-либо иному заключению в настоящем деле, и считает, что указанные разбирательства должны были проводиться в соответствии со статьей 6 Конвенции в ее уголовном аспекте.

31. Что касается жалобы заявителей на то, что разбирательство в судах первой и апелляционной инстанций проводилось в их отсутствие, то Европейский Суд отмечает, что оба заявителя были своевременно уведомлены о дате и месте проведения слушаний. Однако они не смогли заранее уведомить внутригосударственные суды о том, что они не могут присутствовать на слушаниях. Более того, по ходатайству первого заявителя слушание откладывалось как минимум дважды. Кроме того, у него имелся адвокат, который мог представлять его в суде в его отсутствие. Второй заявитель не представила объяснений ни ее отсутствию на слушании в суде первой инстанции, ни отсутствию с ее стороны ходатайства об отложении слушания. Следовательно, эта жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

32. Суд также отмечает, что жалобы на отсутствие стороны обвинения, отклонение доказательств стороны защиты и неспособность заявителей допросить ключевых свидетелей не

являются явно необоснованными в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо жалоб

1. Доводы сторон

33. Первый заявитель утверждал, что у него не было возможности подвергнуть перекрестному допросу двух сотрудников полиции, которые были единственными свидетелями обвинения. Кроме того, он был лишен возможности добиться признания показаний свидетеля защиты в качестве доказательства в суде. Второй заявитель утверждала, что внутригосударственные суды отклонили показания свидетеля защиты о ее невиновности, придав значение письменным показаниям сотрудника полиции, которого она не смогла допросить в ходе судебного разбирательства. Наконец, оба заявителя утверждали, что в отсутствие стороны обвинения судьи, участвовавшие в рассмотрении дела, взяли роль обвинения на себя. Следовательно, суды не были «независимыми и беспристрастными» в значении статьи 6 Конвенции.

34. Власти утверждали, что внутригосударственные суды рассмотрели доказательства стороны защиты и должным образом оценили их в делах обоих заявителей. По мнению властей, тот факт, что внутригосударственные суды больше опирались на показания сотрудников полиции, не может рассматриваться как несоблюдение требования справедливости, закрепленного в статье 6 Конвенции. Кроме того, в деле второго заявителя суды допросили двух свидетелей стороны защиты по ее ходатайству. Власти также утверждали, что Кодекс об административных правонарушениях не предусматривает обязательное участие государственного обвинителя в каждом деле, касающемся административного правонарушения. Их доводы в этой связи были аналогичны доводам в постановлении Европейского Суда от 20 сентября 2016 года по делу «Карелин против России» (*Karelin v. Russia*), жалоба № 926/08, пункты 45-48.

2. Оценка Суда

35. Суд отмечает, осуждение заявителей за административное правонарушение (нарушение законных распоряжений сотрудников полиции) основывалось исключительно на версии событий, представленной полицией. Он также отмечает, что в деле второго заявителя протокол полиции был составлен по шаблону и не содержал никакой индивидуальной информации, кроме личных данных

сотрудника полиции и заявителя. Оба заявителя оспорили обвинения, и в каждом случае их утверждения подтверждал очевидец, но внутригосударственные суды либо не приняли эти доказательства (в деле первого заявителя), либо отклонили свидетельские показания, сделав предположение о предвзятости свидетеля (в деле второго заявителя). Наконец, суд апелляционной инстанции отказался вызвать и допросить сотрудника милиции, который произвел задержание второго заявителя, хотя никаких препятствий к тому не было, и заявителю не было предоставлено никакой другой возможности провести с ним очную ставку.

36. Из этого следует, что единственные показания против заявителей не были проверены в ходе судебного разбирательства или же были рассмотрены в отсутствие заявителя. В любом случае в своих решениях внутригосударственные суды опирались исключительно на показания сотрудников полиции и отказывались принимать дополнительные доказательства. Суд считает, что, учитывая спор относительно ключевых фактов, лежащих в основе обвинений, в котором единственными доказательствами против заявителей были показания сотрудников полиции, которые играли активную роль в оспариваемых событиях, суды должны были использовать любую разумную возможность для того, чтобы проверить их обличительные показания, а именно, проверить вопрос о том, участвовали ли заявители в прорыве полицейского оцепления (см. постановление Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба № 21613/07, пункт 64). Отсутствие такой проверки противоречило основополагающим принципам уголовного права, а именно, *in dubio pro reo* (см. упоминаемое выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 166, и дела, упоминающиеся в нем). Кроме того, суды не потребовали от полиции обоснования вмешательства в право заявителей на свободу собраний, которое включало в себя разумную возможность разгона собрания в случае соответствующего приказа (там же).

37. Вышеизложенных соображений достаточно для того, чтобы Суд пришел к заключению о том, что административное производство в отношении заявителей в целом было проведено в нарушение их права на справедливое слушание дела.

38. С учетом этих выводов, Суд не считает необходимым рассматривать оставшуюся часть жалоб заявителей на предполагаемое нарушение требования объективной беспристрастности, предусмотренного пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

39. Заявители указали на нарушение своего права на мирное собрание. Они в частности жаловались на меры по обеспечению безопасности, которые мешали проведению митинга на Болотной площади, преждевременное прекращение собрания и на их задержание с последующим признанием их вины в совершении административного правонарушения. Они ссылались на статью 11 Конвенции, которая, в части, применимой к настоящему делу, гласит:

Статья 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...»

А. Приемлемость жалобы

40. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

1. Доводы сторон

(а) Доводы Властей

41. Доводы Властей касательно мер общего характера, примененных на Болотной площади, были аналогичны доводам упоминавшемся выше постановлении по делу «Фрумкин против России» (пункты 83-85). Что касается конкретных обстоятельств дела, то Власти утверждают, что санкции были применены к заявителям в результате их неповиновения распоряжениям сотрудников полиции покинуть место проведения публичного собрания по окончании согласованного митинга. Обвинения, выдвинутые против заявителей, были связаны с конкретным актом неповиновения, совершенным после окончания санкционированного митинга, а не с их несогласием с решением о досрочном прекращении митинга.

42. Власти считали, что вмешательство в осуществление заявителями прав на мирные собрания допущено не было, и что в

любом случае назначенное им наказание, штраф в размере 500 рублей, не являлось несоразмерным. Власти пришли к выводу, что как меры общего характера, принятые в отношении собрания в целом, так и меры индивидуального характера, принятые в отношении заявителей лично, являлись обоснованными в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции. Власти считали, что эти меры соответствовали внутригосударственному законодательству, являлись необходимыми «в целях предотвращения беспорядков или преступлений» или «для защиты прав и свобод других лиц», а также строго пропорциональными.

(b) Заявления заявителей

43. Заявители указали, что вмешательство в их права в соответствии со статьей 11 Конвенции не было законным. Полиция не имела полномочий давать им распоряжения, поскольку они не совершали административного правонарушения или уголовного преступления. Власти не сообщили демонстрантам надлежащим образом о прекращении собрания и о распоряжении разойтись. Заявители не были осведомлены о решении властей завершить собрание. Они отметили, что в соответствии с внутригосударственным законодательством сотрудники полиции сначала были обязаны приостановить собрание и предоставить организаторам время для устранения нарушений, прежде чем завершать его. Однако в данном случае организаторам или демонстрантам не было дано время, чтобы последовать инструкциям полиции и разойтись.

44. Что касается их задержания, то заявители утверждали, что они действовали мирно и не совершали никаких противоправных действий. До их задержания полиция не давала им никаких предупреждений и никаких распоряжений, которых они могли бы послушаться. В целом они считали, что разгон демонстрации, их задержание и последующее признание виновными не являлись «необходимыми в демократическом обществе».

2. Оценка Суда

(a) Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу мирных собраний

45. Суд ранее указывал, что собрание на Болотной площади 6 мая 2012 года относилось к рамкам действия статьи 11 Конвенции (см. постановление Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*), жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 168-71). Суд также установил, что внутригосударственные органы власти не выполнили свое позитивное обязательство по обеспечению мирного проведения этого собрания

(см. упоминаемое выше постановление по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*), пункты 93-130). Отметив, что настоящее дело не содержит элементов, способных изменить этот вывод, Суд придерживается его.

46. Что касается вопроса о том, могли ли заявители лично опираться на положения статьи 11, то Суд напоминает, что мирные участники демонстрации, омраченной отдельными актами насилия, совершенными другими участниками, не перестают пользоваться правом на свободу мирных собраний (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*), жалоба № 37553/05, пункт 94, ECHR 2015, и решение Европейского Суда от 4 мая 2004 года по делу «Зилиберберг против Молдовы» (*Ziliberberg v. Moldova*), жалоба № 61821/00). Из представленных материалов не следует, что заявители были в числе лиц, ответственных за первоначальные акты агрессии, которые способствовали ухудшению первоначального мирного характера собрания. Что касается вмененного заявителям прорыва полицейского оцепления, то они отрицали, что прорвали оцепление, и даже если заявители оказались за пределами оцепления, нет никаких доказательств того, что это было результатом их преднамеренных действий. Согласно документам, содержащимся в материалах дела, прорыв полицейского оцепления был вызван давлением толпы, которая возникла из-за неожиданного и не объявленного изменения органами власти площади проведения мероприятия (см. также упоминаемое выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункты 113-16 и 132). Помимо этого, поведение заявителей продолжало носить исключительно мирный характер. Поэтому Суд считает, что статья 11 применима в отношении заявителей в настоящем деле.

47. Что касается вмешательства в право заявителей на свободу собраний, Суд напоминает, что меры, принятые органами власти во время шествия, такие как разгон шествия или задержание его участников, а также наказание за участие в митинге, представляли собой вмешательство (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Каспаров и другие против России», пункт 84, с дальнейшими ссылками). Поэтому Суд считает, что прекращение демонстрации, задержание заявителей на месте проведения мероприятия и осуждение за совершение административных правонарушений представляли собой вмешательство в их право на свободу мирных собраний.

(b) Вопрос об обоснованности вмешательства

48. Суд рассмотрел обстоятельства прекращения демонстрации на Болотной площади, в упоминавшемся выше постановлении по делу «Фрумкин против России», пункты 131-36, в котором доводы сторон

были по сути схожими с доводами в настоящем деле. Как и в деле «Фрумкин против России», Суд воздержится от анализа способа разгона полицией протестующих на Малом Каменном мосту, поскольку это выходит за рамки дела заявителей. Суд рассмотрит меры, принятые в отношении заявителей лично.

49. Стороны расходятся во мнениях в вопросе о том, были ли заявители задержаны до или вскоре после истечения срока, первоначально утвержденного для собрания, особенно в отношении второго заявителя. Однако для целей анализа с точки зрения статьи 11 достаточно отметить, что даже если заявители нарушили срок, меры, принятые в отношении них после окончания собрания, подпадают под действие этого положения (см. упоминаемое выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 138). Следовательно, указанные меры должны были соответствовать нормам законодательства, преследовать законную цель и быть необходимыми в демократическом обществе по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

50. Заявители оспорили законность принятых в их отношении мер, ссылаясь, в частности, на то, что у полиции не было оснований давать им распоряжения разойтись. Суд полагает, что в настоящем деле вопросы соблюдения законодательства и существования законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», и что необходимость в их отдельном рассмотрении отсутствует (аналогичную аргументацию см. в упоминавшемся выше постановлении по делу «Немцов против России», пункт 75).

51. Суд учитывает довод властей о том, что усиленные меры безопасности, в частности, преследование лиц, обвиняемых в преступлениях, совершенных 6 мая 2012 года на Болотной площади, были специально направлены на то, чтобы предотвратить создание незаконных палаточных городков (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 139). В то же время заявители не были задержаны и наказаны за нарушение правил публичного мероприятия. Даже если их присутствие на месте проведения митинга после его окончания должно было рассматриваться как высказывание ими возражения по поводу досрочного окончания собрания, это не является правонарушением, в совершении которого их обвинили. По мнению внутригосударственных судов и в соответствии с доводами властей, они были задержаны, помещены под стражу и приговорены к административному штрафу за участие в прорыве полицейского оцепления и неподчинение законным распоряжениям сотрудников полиции прекратить эти действия и разойтись.

52. Суд далее отмечает, что оба заявителя оспаривали административные обвинения против них на том основании, что

лежащие в их основе события фактически не имели места. Суд пришел к выводу о том, что внутригосударственные суды не смогли установить ключевые факты в рамках административного производства в отношении заявителей; в частности, они не установили, получали ли заявители распоряжение от полиции, или было ли оно законным, а также имело ли место неповиновение со стороны заявителей. В общем контексте столкновений между полицией и протестующими, которые произошли на Болотной площади, внутригосударственным судам необходимо было установить, действительно ли заявители участвовали в прорыве полицейского оцепления. Суды же отвергли представленную заявителями версию событий, подкрепленную другими доказательствами, включая показания очевидцев, и опирались на показания и доклады полиции. В решениях внутригосударственных судов не содержится никаких попыток установить соответствующие факты на основании сравнительной оценки противоречивых показаний заявителей, свидетелей защиты и сотрудников полиции. В отсутствие надлежащей оценки соответствующих фактических и правовых аспектов дела внутригосударственными судами, нельзя сказать, что они «применили стандарты, которые соответствуют принципам, закрепленным в статье 11» (см. постановление Европейского Суда от 25 июля 2017 года по делу «Анненков и другие против России» (*Annenkov and Others v. Russia*), жалоба № 31475/10, пункт 139 и упоминаемые в нем постановления).

53. Поэтому Суд не убежден в том, что причины, приведенные внутригосударственными органами власти для оправдания вмешательства в соответствии со статьей 11 Конвенции, а именно, задержание заявителей на месте проведения мероприятия и их осуждение за административные правонарушения, являются соответствующими и достаточными. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что меры, принятые в отношении заявителей, должны были препятствовать посещению митингов протеста ими и другими лицами и, в более общем смысле, их участию в открытых политических дебатах. Сдерживающее воздействие таких санкций было также усилено большим числом задержаний, произведенных в тот день, что получило широкую огласку в СМИ.

54. Соответственно, в отношении каждого заявителя имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

55. Второй заявитель также жаловалась на то, что прекращение ее участия в публичном собрании, ее задержание и осуждение за совершение административных правонарушений преследовали цель

подорвать их право на свободу собраний. Она также утверждала о нарушении статьи 18 Конвенции, которая гласит:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

56. В своих доводах по данному пункту стороны повторили свои заявления в отношении предполагаемого вмешательства в право на свободу собраний и гарантий справедливого судебного разбирательства в рамках административного производства.

57. Суд отмечает, что данная жалоба связана с жалобами, рассмотренными выше с точки зрения статей 6 и 11 Конвенции, и поэтому она также должна быть признана приемлемой.

58. Суд уже установил, что задержание заявителей и их осуждение за совершение административных правонарушений не были оправданными, и что это могло негативно сказаться на их намерении и намерении других лиц принимать участие в протестных митингах или активно участвовать в оппозиционной политике (см. пункт 53 выше).

59. Принимая во внимание указанные выводы, Суд считает, что нет необходимости рассматривать вопрос о наличии нарушения статьи 18 Конвенции.

V. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

60. Суд рассмотрел жалобу, поданную вторым заявителем на основании пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы и в той степени, в которой данная жалоба относится к его компетенции, Европейский Суд считает, что она не содержит признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или в Протоколах к ней. В данной части жалоба подлежит отклонению как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

61. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд приходит к заключению, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий данного нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

62. Первый заявитель требовал 11 000 евро, а второй заявитель требовала 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

63. Власти оспорили требования первого заявителя как чрезмерные и необоснованные. Что касается требования второго заявителя, то власти сочли, что если Суд установит нарушение, то сам по себе факт установления такого нарушения будет являться достаточной справедливой компенсацией. Они заявили, что в любом случае при присуждении Судом любой компенсации он должен учитывать индивидуальные обстоятельства второго заявителя, в частности обстоятельства ее задержания, подход судов к рассмотрению ее дела и тяжесть наказания.

64. Суд установил нарушение статей 6 и 11 Конвенции в отношении каждого заявителя. Произведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает каждому заявителю по 7 500 евро в качестве компенсации неимущественного вреда.

В. Расходы и издержки

65. Первый заявитель также требовал 1 600 евро в качестве возмещения расходов на его представительство в ходе разбирательства в Суде.

66. Власти оспорили данное требование на том основании, что не имеется никаких доказательств того, что такие судебные расходы были действительно понесены.

67. В соответствии с практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. Суд отмечает, что заявитель не представил никаких документальных доказательств, таких как договоры об оказании юридических услуг со своими представителями, квитанции об оплате или счета-фактуры, подтверждающих что он имеет юридически обязывающее обязательство оплатить услуги адвоката или что он фактически их оплатил. Принимая во внимание эти соображения и собственную практику, Суд отклоняет требование первого заявителя о возмещении издержек и расходов (см. постановление Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и

другие против России» (*Novikova and Others*), жалобы №№ 25501/07 и 4 другие жалобы, пункт 235).

С. Процентная ставка при просрочке платежа

68. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* объединить данные жалобы в одно производство;
2. *объявил* жалобы на отсутствие справедливого разбирательства и нарушение требования объективной беспристрастности в ходе административного производства в нарушение статьи 6, жалобы на нарушение статей 11 и 18 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалоб неприемлемой;
3. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением справедливости административного судопроизводства в отношении каждого заявителя;
4. *постановил*, что в настоящем деле в отношении каждого заявителя было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
5. *постановил*, что необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 18 Конвенции отсутствует;
6. *постановил*
 - (а) что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда сумму в размере 7 500 (семи тысяч пятисот) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, конвертированные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке

Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

7. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 4 декабря 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря Суда

Бранко Лубарда
Председатель